

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ КАРАМЗИНА В ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

В. БЕСПРОЗВАННЫЙ

Творчество Карамзина, с самого начала его литературной деятельности, воспринималось современниками чрезвычайно пристрастно. "Раскол" русской литературы после опубликования в 1803 г. книги А. С. Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге российского языка" лишь усилил и закрепил литературную ситуацию, сложившуюся уже в 90-е годы XVIII века.¹ В ряду литераторов антикарамзинского направления 1790-х годов, не привлекавших особого внимания исследователей, важной и примечательной фигурой является профессор Московского университета Павел Афанасьевич Сохацкий (1766 — 1809). Редактируемые им в конце XVIII — начале XIX вв. литературные журналы ("Приятное и полезное препровождение времени" <далее Пр. вр. — В. Б.>, "Иппокрена", "Новости русской литературы") занимали критическую позицию по отношению к Карамзину. Особенно заметной и значимой эта позиция становится в годы павловского царствования, когда большинство литературных журналов прекратило свое существование. Издание Пр. вр. было начато в 1794 году В. С. Подшиваловым, преподавателем Благородного пансиона при Московском университете, ревностным приверженцем Карамзина.² В 1796 году его сменил на посту редактора П. А. Сохацкий, профессор эстетики и древней словесности.³ Сохранив во многом тематику "журнала Подшивалова" и основной перечень переводившихся его сотрудниками немецких и французских авторов, Сохацкий внес в Пр. вр. ряд существенных изменений. В отличие от предшествующего периода, исключительно ориентированного на современную литературу, в "журнале Сохацкого" обширно представлены

"древние" (переводы римских и греческих авторов, переложения псалмов).⁴ Значительное внимание уделяется редактором английской литературе и культуре,⁵ до этого представленных очень слабо, проблемам эстетики и ряду других новшеств. Совершенно новой чертой журнала становится, может быть, не столь заметное на первый взгляд, но вполне определенное критическое отношение к Карамзину.

В ч. XIII Пр. вр. был опубликован небольшой прозаический отрывок: "Путешествия", — сокращенный перевод статьи маркиза Масона де Пезе, выполненный Сохацким.⁶ Уже сам факт принадлежности перевода редактору журнала заставляет отнестись к статье с особым вниманием, поскольку, как показывает логика построения данного издания, все материалы, помещенные самим Сохацким, отбирались не случайно и в значительной степени отражали его собственные взгляды.

Обратимся к тексту перевода: "Путешественники для Философов точно то, что Аптекари для Медиков. На известиях, доставляемых первыми, Философы утверждают свои системы; по Фармакопеям последних Медики предписывают свои рецепты. Если Аптекари ложно выдадут лекарства, то часто больные от того умирают; если путешественники лгут, то Философы выводят из того нелепые заключения. Итак роль путешественника важнее, нежели многие думают. Она требует вместе честности и сведений <...>. По сему редко что может быть смешнее и при том опаснее, как мода отправлять путешествовать молодых ни в чем не осмотревшихся людей. Я не могу терпеть тех слепых родителей, которые с великою торопливостью посылают недорослей своих выказывать перед чужестранцами скудоумие и неловкость, и подвергать через то нацию, по многим качествам превосходную, тому, чтоб судили об ней по таким глупцам. <...> Мне кажется, что не иной имеет право ехать к чужестранцам требовать отчету в их памятниках и просвещении, как только тот, кто может в замену дать им некоторые ясные идеи о художествах собственной нации, о нравах, о свойствах климата и о главных основаниях правления" [XIII, 39—46]. Перевод данной статьи, проецируясь на русскую действительность, мог приобретать различный смысл. Во-первых, он хорошо вписывался в сатирическую традицию (новиковские журналы, "Бригадир" Фонвизина), высмеивавшую молодого невежественного дворянина, ехавшего приобретать

светский лоск в "чужие края".⁷ Причиной, делавшей эту публикацию актуальной, мог быть изданный в это время указ Павла I, запрещавший юношам путешествовать за границу. И наконец, статья несомненно могла восприниматься как аллюзия на "Письма русского путешественника". Известно, что один из основных карамзинских биографических мифов был связан с "Письмами", а прозвище "Путешественник" прочно закрепилось за ним в это время. Авторская позиция, полемически заостренно выраженная в предисловии ко второму изданию ("<...> кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих писем, советую читать Бишингову географию"), была направлена против той части читательской аудитории, которая видела в "Письмах" беллетризированный путеводитель и упрекала Карамзина в недостатке "сведений".⁸ Ср. в связи с этим ремарку Сохацкого к переводу "Письма Путешественника Датчанина", опубликованному в журнале "Новости русской литературы" (1802): "Такие только письма всякаго Путешественника, какой бы он нации ни был, достойны чтения, которые с приятностию соединяют всегда чтонибудь замечательное, новое, полезное, любопытное, а не одне лишь мечты" [I, 385]. Фраза из "Путешествий" — "как же судить о государстве, в котором я однажды отужинал за столом в трактире" — кажется прямо адресованной "Российскому Путешественнику". К тому же статья была напечатана в Пр. вр. без каких-либо "выходных данных", так что читатель мог вообще не догадываться, что это перевод.

Одним из повторяющихся мотивов литературной позиции Сохацкого была критика "ложной чувствительности".⁹ В статье "Чувствительность и причудливость" [XI, 241—254] Сохацкий, обращаясь к юношеству, задается вопросом: "Чем собственно различается истинная чувствительность от ея обезьяны, причудливости?" Главное отличие подлинной чувствительности — ее неподдельность и нравственные основания: "Постыдившее впечатление, которое гостеприимная роговая табакерка старого почтеннаго Монаха произвела на Иорикова недружелюбное жестокосердие, было натуральное, истинное впечатление <...>. Итак Иорик в минуту скорби сего чувствования был подлинно чувствительный, а не причудливый человек. Но когда между легионами жалких его подражателей один поднимает плачевный вой о смерти фиалочки, и не хочет утешить-

ся; другой перед древним дубом повергается на колени, и с такою важностью и благоговением простирает к нему речь, как будто бы он имел уши его слышать <...>; третий со всею важностью заводит любовные беседы с луною и звездами <...>". Ложную чувствительность Сохацкий считает характерной чертой щегольского поведения: "<...> по сему ребяческому пустословию тотчас можно признать подетски лепечущего причудника <...>". Как известно, маска "чувствительного щеголя" была неотъемлемой частью карамзинского мифа.¹⁰

Здесь уместно задаться вопросом: является ли объектом критики Сохацкого именно и только Карамзин? Может быть, здесь идет речь об "эпигонах сентиментализма" или о модной сентиментальности вообще? Безусловно, эту точку зрения полностью отбросить нельзя. Однако необходимо учесть, что целый ряд авторов, постоянно публиковавшихся в журнале (Шаликов, Сибирский), вполне могли бы быть адресатами этой критики. Но либо они исключались Сохацким по субъективным причинам, либо он не считал препятствием к их публикации экзальтированно-чувствительный (и щегольский) характер творчества эпигонов Карамзина. В таком случае необходимо уточнить, кто же именно мог быть объектом нападок редактора журнала? Рассмотрение статьи "Чувствительность и причудливость" в контексте всего материала позволяет предположить, что идейно-эстетические взгляды Сохацкого не были свободны от литературно-партийных пристрастий, видимо, наибольшую неприязнь он питал именно к Карамзину и его ближайшему окружению (в частности — к И. И. Дмитриеву).

Особое место среди материалов темы "Сохацкий и Карамзин" занимает пародийное произведение "Вояж моего друга" [XVII, 97—111, 113—121] и его продолжение — "Письмо к Б. и к его семейству" [XVIII, 145—153], опубликованные в журнале анонимно. Насколько нам известно, данная пародия не привлекала внимания исследователей. Между тем она примечательна во многих отношениях. Уже сами заглавия этих двух прозаических отрывков одновременно пародируют заглавие "Писем русского путешественника" и содержат аллюзию на "милых" адресатов "чувствительного путешественника". Этому полностью соответствуют и два эпиграфа: один из "Писем русского путешественника", который, будучи извлеченным из контекста, приобретает здесь ироническую окраску — "Чего

не напишет человек в часы бессонницы?", аналогичной трансформации подвергается и другой эпиграф (из "Послания к женщинам"): "Слова текут рекою В беседе с тем, кого мы любим всей душою". Этому как будто соответствует и содержание статей, насыщенное целым рядом цитат из "Писем русского путешественника", сказки "Илья Муромец" и некоторых стихотворений Карамзина.

Однако сам сюжет пародии довольно странен. Ее герой, "чувствительный путешественник", в 1-ой части направляется из Москвы в свою деревню ("сельцо на р. Наре" <разрядка моя. — В. Б.>). Во время "вояжа" с ним случается ряд дорожных казусов: он ужинает в поле под кибиткой, останавливается на ночлег в крестьянской избе, пытается раздобыть у скупой старухи огня и еды, выпрашивает у нее остатки молока, которое старуха проливает, и пр. и пр. Эта его первая поездка датирована 26 сентября. Вторая часть ("Письмо к Б.") содержит рассказ о другой поездке, без указания на сюжетное единство с первой, хотя связь этих текстов несомненна: общий персонаж, единая манера повествования и полное стилевое единство. Здесь также описываются злоключения героя по дороге из Москвы в "сельцо Кард..."; эта часть также датирована — на сей раз февралем.

Опираясь на размышления Ю. Н. Тынянова о природе пародии, в частности, о "пародичности и пародийности",¹¹ можно отметить, что, если использование в качестве "материала" пародии творчества Карамзина здесь не вызывает сомнений, то вопрос об "объекте" пародии в значительной степени остается неясным. Выскажем, однако, некоторые соображения по данному поводу.

В "Письме к Б." упоминается адрес героя — "сельцо Кард...". В журнале "Иппокрена" Андрей Тургенев (он принимал участие и в Пр. вр.) подписывал свои переводы криптонимами "А. Т.", "Т.", иногда совмещая их с адресным указанием: "сельцо Кардинское". Известно, что в этот период в кругу Тургеневых-Кайсаровых, активно сотрудничавших в журналах Сохацкого, складывается критическое отношение к Карамзину. Оно было основано не на личной неприязни (Андрей Тургенев — восторженный почитатель Карамзина), но на смене литературной ориентации.¹² Учитывая очень хорошее знакомство автора пародии с творчеством Карамзина (на это указывает и способ цитации), принадлежность "Вояжа" и "Письма"

Андрею Тургеневу весьма вероятно. Однако в отличие, например, от "Свадьбы Карамзина" А. Кайсарова, в журнальных статьях трудно усмотреть такое же буквальное перенесение творчества Карамзина на его личность. Во всяком случае, либо речь идет о биографическом подтексте, нам неизвестном, либо он не связан с Карамзиным. Возможно, что какие-то события реальной жизни Андрея Тургенева или его друзей, известные узкому кругу, получили такое пародийное описание, а в качестве "языка" пародии было избрано творчество Карамзина.

Сказанное представляется тем более правдоподобным, что для рассматриваемого издания очень характерен тип произведений, адресованных узкому кругу и понятных главным образом ему. Аудитория, которой эти публикации не были предназначены, но которая все же выписывала и читала журнал, в данном случае могла видеть произведения, высмеивающие "чувствительного путешественника" — Карамзина.

Рассмотренные нами три журнальных текста — не единственные свидетельства позиции, занимаемой "журналом Сохацкого" по отношению к Карамзину. После ухода из Пр. вр. Подшивалова имя Карамзина исчезает со страниц журнала. Кроме того происходят характерные изменения в составе участников. Прежде всего, здесь перестают публиковаться И. И. Дмитриев, его двоюродный брат Пл. Бекетов, Дм. Вельяшев-Волынцев. На этом фоне симптоматичной, если не демонстративной выглядит подборка стихотворений на смерть Кострова, составленная из сочинений Шатрова и Николева¹³: все три имени (включая покойного Ермила Кострова) принадлежат антикарамзинскому лагерю.

Однако куда более резкие выпады в адрес Карамзина появились уже на страницах "Иппокрены", продолжавшей Пр. вр. В 1799 году здесь была опубликована (анонимно) "Ода в честь моему другу", написанная П. И. Голенищевым-Кутузовым,¹⁴ одним из наиболее рьяных зоилов Карамзина. Она представляла собой стихотворный пасквиль, построенный на тенденциозном толковании цитат из различных карамзинских произведений, и содержала резкие, с явным умыслом доноса, обвинения автора "Моих безделок" и "Аонид" в безбожии и развращении юношества. "Ода" была в этом смысле явлением исключительным не только для "Иппокрены" и др. из-

даний Сохацкого, но и в целом для журналистики этого периода. Тем не менее, содержание "Оды" сопоставимо с высказыванием самого Сохацкого, содержащимся в его "Слове о предметах, свойстве и влиянии изящного вкуса на щастие жизни" (1801):

"Мало доброй надежды в том народе, где он <"вкус мелкий и изнеженный" — В. Б.> получит господство: ибо там всякой привыкает к красивым безделкам <разрядка моя — В. Б.>; приписывает высокую цену самым бесполезным вещам, только лишь бы оне прельщали Фантазию; и, что всего безбожнее, самый гнусный порок считают похвальным, если представлен будет пленительно и замысловато. От того дух теряет всю свою крепость, и отворачивается от всего великого, важного и высокого".¹⁵

О том, что позиция, занятая Сохацким и его литературным окружением по отношению к Карамзину, не осталась незамеченной в среде карамзинистов, свидетельствует достаточно резкая эпиграмма И. И. Дмитриева:

"Что за журнал?"
 — *"Не хватский".*
 — *"Кто же читал?"*
 — *"Посадский".*
 — *"А издал?"*
 — *"Сохацкий"*¹⁶

Ряд современных исследователей указывает, что Сохацкий стал объектом иронии Дмитриева как один из эпигонов сентиментализма.¹⁷ Приведенный выше материал позволяет видеть причину в другом: Сохацкий принадлежал к тому течению русского преромантизма, которое несколько позднее оформилось как "архаистское" ("шишковистское"). Его негативное отношение к творчеству Карамзина было обусловлено иной системой взглядов, иным литературным мировоззрением, проявившимся наиболее полно, декларативно в полемике о проблемах литературного языка на страницах "журнала Подшивалова".¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. — Сб. 16. — Л., 1989. — С. 139.
- 2 Беспрозрачный В. Г. Журнал Подшивалова и споры о языке в конце 18-го века. Из заметок о журнале "Приятное и полезное препровождение времени" // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures. — Pittsburgh, 1990. — P. 36-47.
- 3 Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Ч. II. — С. 435-440.
- 4 Переводы Горация, Сафо, Феокрита, Овидия, Пиндара и целого ряда др. античных авторов, а также "переложения псалмов Давидовых" было связано не только с общей спецификой журнала, где публиковались переводы студентов и пансионеров. Такая литературная ориентация имела для Сохацкого и полемическую направленность, поскольку "древним" он противопоставляет "новых": "Хорошие переводы древних Писателей уверяют скорее всего о пользе их и преимуществе перед многими нынешними" (IX, 275; при ссылке на Пр. вр. и др. журналы римская цифра обозначает номер тома, арабская — страницу).
- 5 Беспрозрачный В. Г. Кто был автором "Россиянина в Англии?" // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. — Тарту, 1992. — С. 49-56.
- 6 Рак В. Д. Об одной ошибочной атрибуции // XVIII век. — Сб. 12. — Л., 1977. — С. 253. Автор статьи, ссылаясь на словарь Масанова, предположительно приписывает перевод статьи Подшивалову. Однако в это время Подшивалов уже не принимает участия в журнале. Криптоним "И", расшифровываемый как издатель, а также характер отбора публикаций, подписанных этим криптонимом, несомненно указывают на Сохацкого.
- 7 Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. — М., 1987. — С. 23.
- 8 Там же. — С. 331.
- 9 Ср. в статье "Гимн к изящной Природе": "Сохрани от мечтательной чувствительности, да не расточатся повсюду слезы хладно собранными словами" (IX, 6).
- 10 Лотман Ю. М. Указ. соч. — С. 18-19.

- 11 Тынъянов Ю. Н. О пародии // Тынъянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 290.
- 12 Лотман Ю. М. Указ. соч. — С. 18–19.
- 13 "На смерть Кострова" (XII, 337–338).
- 14 Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. — М., 1989. — Т. I (А–Г). — С. 604–605.
- 15 Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. — М., 1821. — С. III. — С. 81.
- 16 Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. — Л., 1967. — С. 351. Эпиграмма, датируемая 1804 г., адресована Сохацкому — издателю журнала "Новости русской литературы".
- 17 См. напр.: Дмитриев И. И. Указ. собр. — С. 459.
- 18 Беспрозванный В. Г. "Нечто о Ломоносове" и споры о языке в конце XVIII века (в печати).